

Агрессивность осужденных за сексуальные и несексуальные преступления как предиктор насильственных аттитюдов в отношении женщин

Фурманов И.А.

Белорусский государственный университет

Статья посвящена выявлению предикторов насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за сексуальные преступления.

Цель работы – определение различий в насильственных аттитюдах в отношении женщин у осужденных за сексуальные и несексуальные преступления, а также степени детерминации агрессивностью аттитюдов к совершению психологического, физического и сексуального насилия в отношении женщин.

Материал и методы. Выборку составили осужденные за насильственные сексуальные и ненасильственные преступления. В ходе работы использовались «Шкала аттитюдов к насилию в период свидания» (ATDVS) и опросник агрессивности А. Басса и М. Перри (BPAQ).

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ показал, что осужденные обеих когорт не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин. Осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные сексуальные преступления. Установлены и описаны корреляционные связи между оценками агрессивности как личностной черты (физической агрессивностью, вербальной агрессивностью, гневом и враждебностью) и аттитюдами к психологическому, физическому и сексуальному насилию в отношении женщин. Враждебность является основным предиктором аттитюдов к психологическому, физическому и сексуальному насилию у осужденных за насильственные сексуальные преступления. Сила аттитюдов к сексуальному насилию у осужденных за насильственные сексуальные преступления зависит от комбинации гнева и враждебности.

Заключение. Агрессивность оказывает влияние на насильственные аттитюды в отношении женщин.

Ключевые слова: физическая агрессивность, вербальная агрессивность, гнев и враждебность, аттитюды к психологическому, физическому и сексуальному насилию.

Aggressiveness of the Sentenced for Sexual and Non-Sexual Crimes as a Predictor of Violent Attitudes Towards Women

Furmanov I.A.

Belarusian State University

The article is concerned with the definition of predictors of sexual offenders' violent attitudes towards women.

The aim is to determine the differences in violent attitudes towards women among those convicted for sexual and non-sexual crimes, as well as the degree of aggressiveness determination to commit psychological, physical and sexual violence against women.

Material and methods. The sample consisted of those convicted for violent sexual and nonviolent crimes. The "Dating Violence Attitudes Scale" (ATDVS) and the A. Bass and M. Perry Aggressiveness Questionnaire (BPAQ) were used.

Findings and their discussion. Comparative analysis has shown that offenders of both groups do not differ in their readiness to display psychological and physical violence against women. Nonviolent offenders have stronger attitudes towards sexual violence than violent sexual offenders. Correlations between assessments of trait aggression (physical aggression, verbal aggression, anger and hostility) and attitudes towards psychological, physical and sexual violence against women are established and described. Hostility is the key predictor of violent offenders' psychological, physical and sexual violence attitude. The strength of sexual violence attitude of violent sex offenders depends on a combination of anger and hostility.

Conclusion. Aggressiveness influences violent attitudes towards women.

Key words: physical aggressiveness, verbal aggressiveness, anger and hostility, psychological, physical and sexual violence attitudes.

Насилие в отношении женщин принимает различные формы и остается одной из насущных проблем современных социальных отношений. Нет необходимости напоминать, что насилие в отношении женщин может включать психологическую, физическую и сексуальную агрессию. Как показывают многочисленные исследования, психологическая и физическая агрессии наиболее часто встречаются в супружеских отношениях, а сексуальная агрессия – в романтических отношениях, в период знакомства или свиданий.

Примат совершения сексуальной агрессии в романтических отношениях, в период свиданий или знакомства обуславливается тем, что это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров и продолжающиеся до тех пор, пока один или другой партнер не предпримет попытку прервать или разорвать данные отношения. Поэтому они могут быть как краткосрочными, так и долговременными. Как правило, эти отношения характеризуются добровольностью, то есть возникают на основании личного выбора субъекта и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одной важной характеристикой является *аттракция*, привлекательность партнера, которая зачастую может приобретать форму страсти, вызывать сексуальное возбуждение и мотивировать к сексуальной близости [1; 2].

Исходя из этого, романтические отношения, межличностное взаимодействие в период свиданий или знакомства с полным основанием можно причислить к разновидностям сексуального поведения. В контексте межличностных отношений сексуальное поведение может реализовываться либо по обоюдному согласию, либо по принуждению. Принудительное сексуальное поведение чаще всего возникает в ситуации, воспринимаемой как фрустрация. Отказ в достижении важных целей может привести к негативным эмоциям и попытке или изменить ситуацию в соответствии с поставленной целью, или переоценить соответствующие цели. Например, если насильнику, который ожидает, что женщина удовлетворит его потребности, отказывают, он может попытаться восстановить свое чувство контроля силой и, в конечном счете, использовать сексуальную агрессию [3; 4]. Согласно аффективно-динамической теории агрессии [5] фрустрация актуальных потребностей может приводить к возникновению психологической, физической и сексуальной агрессии в отношении фрустратора (партнера-жертвы).

Совершение преступления сексуального характера фактически представляет собой модель поведения, начинающегося с психологической

и/или физической агрессии и заканчивающегося сексуальной агрессией (изнасилованием, другими насильственными действиями сексуального характера вопреки воле потерпевшего).

Большинство современных концепций изнасилования признают, что оно включает в себя как сексуальные, так и агрессивные мотивы, но в большинстве случаев основное внимание уделяется одному мотиву при минимизации других. В частности, достаточно часто мотивы власти, контроля и доминирования противопоставляются сексуальному мотиву. Например, активно поддерживается мнение, что изнасилование – это использование сексуальности для удовлетворения мотива власти и выражения гнева. Так, утверждается, что все сексуальные посягательства совершаются для того, чтобы удовлетворить желание преступника обладать властью и усилить его чувства. В противовес этому высказывается мнение, что власть и сексуальные факторы не отделены один от другого и накладываются друг на друга. В принципе, сексуальные факторы присущи всем преступлениям, связанным с изнасилованием, и это, возможно, стало причиной того, что внимание исследователей больше сосредотачивалось на других факторах, таких как власть и доминирование, чтобы отличить один вид изнасилования от другого.

В целом ряде исследований было обнаружено, что мужское одобрение мифов об изнасиловании, враждебность к женщинам, одобрение традиционных гендерных ролей и гипермаскулинности связано с совершением сексуального насилия против женщин.

Большинство мифов об изнасиловании и установок, поддерживающих изнасилование, вписываются в одну из трех категорий: 1) обвинение жертвы, 2) освобождение преступника от ответственности за нападение и 3) оправдание за нападение [6]. Связь между поддерживающими изнасилование установками мужчин и совершением сексуальной агрессии была выявлена в нескольких исследованиях [7; 8].

Поддерживающие изнасилование установки – это установки и убеждения, которые оправдывают изнасилование и ситуации, окружающие изнасилование. Они включают враждебную установку к жертвам изнасилования, ложные убеждения об изнасиловании и ошибочные убеждения о жертве и преступнике, совершившем изнасилование [9].

Несколько эмпирических исследований выявили, что мужчины, обладающие более традиционными мужскими личностными чертами, чаще одобряют поддерживающие изнасилование установки, чем их аналоги с менее выраженными мужскими личностными чертами [10; 11]. В частности,

было установлено наличие статистически значимой положительной связи между приверженностью нормам маскулинности и участием/одобрением сексуально агрессивного поведения среди мужчин.

Рядом исследований была обнаружена связь между высокой враждебностью к женщинам и совершением сексуального насилия. Негативные установки к женщинам могут быть связаны с сексуально агрессивным поведением несколькими способами, среди которых убеждение, что женщины должны принуждаться к сексу, что мужчины имеют право требовать секса от женщины и что, если бы женщины были более защищенными, они были бы менее уязвимы для изнасилования.

Гипермаскулинность характеризуется частой демонстрацией физического насилия, наличием опасных и сексуально грубых аттитюдов к женщинам. Традиционное гипермаскулинное поведение и установки часто рассматриваются как этиологические факторы в совершении сексуальной агрессии и одобрения установки, поддерживающей изнасилование. Например, отмечается положительная связь между сексуальным насилием и гипермаскулинностью. В исследовании Д.Ж. Пэрро и А. Зейхнера [12] установлено, что более высокие уровни гипермаскулинности привели у некоторых мужчин к склонности совершать действия физической агрессии и придерживаться более высоких уровней сексуально агрессивных установок/убеждений.

В свою очередь Н.М. Маламут [13] даже вводит в научный обиход понятие «враждебная маскулинность». Враждебная маскулинность определяется как потребность управлять и доминировать над женщинами, соединенная с враждебностью и недоверием к женщинам. Исследования показали, что те мужчины, которые отличались высоким уровнем враждебной маскулинности, вероятнее всего, совершат сексуальное насилие. Метаанализ исследований, устанавливающих корреляции между различными измерениями маскулинной идеологии и сексуальной агрессии, свидетельствует, что и гипермаскулинность, и враждебная маскулинность умеренно связана с сексуальной агрессией.

Как показал анализ литературы, большинство исследований сосредоточилось на социодемографических и культуральных переменных, чтобы объяснить поддерживающие изнасилование установки (т.е. гендер, возраст, образование, религия, идеология или установки к гендерным ролям). Совсем немного исследований касалось роли агрессивной личности в объяснении поддерживающих изнасилование установок. Однако даже в них изучение взаимосвязи агрессивных

черт личности и поддерживающих изнасилование установок было вторичной целью.

Несмотря на выявленную корреляцию между высокой враждебностью к женщинам и совершением сексуального насилия, за рамками интересов исследователей осталось понимание психологической природы этой связи. А именно фасилитирующей роли агрессивности как личностной черты и насильственных аттитюдов к женщинам как предрасположенности к определенному социальному поведению в формировании враждебного отношения к женщинам в целом и готовности к совершению сексуального насилия в частности.

Исходя из этого, было проведено исследование с целью определения, во-первых, различий в насильственных аттитюдах в отношении женщин между двумя когортами осужденных, совершивших сексуальное насильственное преступление и ненасильственное преступление, а во-вторых, степени детерминации агрессивности аттитюдов к совершению психологического, физического и сексуального насилия в отношении женщин. Было выдвинуто два предположения: 1) преступники, совершившие сексуальное преступление, будут отличаться более сильной склонностью к совершению сексуального насилия в отношении женщин; 2) отталкиваясь от поведенческой структуры изнасилования, предикторами готовности к совершению преступления сексуального характера в отношении женщин будут такие агрессивные черты личности преступника, как физическая агрессивность и враждебность.

Материал и методы. Исследование проводилось среди осужденных мужчин ряда исправительных учреждений Республики Беларусь, которые были разбиты на две когорты в соответствии со статьей отбывания наказания: 1) насильственные преступления сексуального характера (n = 37) – изнасилование, насильственные действия сексуального характера; 2) ненасильственные преступления (n = 68) – кража, мошенничество.

В работе были использованы:

- шкала аттитюдов к насилию в период свидания, разработанная Е.Л. Прайс и Е.С. Байерс, адаптированная и валидизированная И.А. Фурмановым [14]. Данная шкала включает три подшкалы для измерения аттитюдов к психологическому (ПН), физическому (ФН), а также сексуальному (СН) насилию в отношениях с женщинами;

- опросник агрессивности А. Басса и М.Перри[7], адаптированный и валидизированный И.А. Фурмановым [14]. Четыре подшкалы опросника оценивали физическую агрессивность (ФА), вербальную агрессивность (ВА), гнев (Г), враждебность (ВР).

Для получения статистических данных рассчитывались средние и стандартное отклонения, сравнение выборок осуществлялось с помощью расчета t-критерия Стьюдента, корреляционного анализа Пирсона, а также множественного регрессионного анализа с использованием пошагового метода (F-критерий Фишера, t-критерий Стьюдента, p-уровень их статистической значимости, коэффициенты множественной корреляции (КМК) и множественной детерминации (КМД)).

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ показал, что осужденные за насильственные сексуальные и ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического ($M = 39,05$, $SD = 7,48$ против $M = 39,02$, $SD = 5,49$, $p = 0,987$) и физического ($M = 25,95$, $SD = 9,22$ против $M = 26,93$, $SD = 6,98$, $p = 0,549$) насилия в отношении женщин (рисунок). Вместе с тем было определено, что осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные преступления сексуального характера ($M = 24,52$, $SD = 7,51$ против $M = 28,37$, $SD = 5,86$, $p = 0,003$).

С одной стороны, полученные данные согласуются с ранее проведенными исследованиями, в которых отмечается, что осужденные за серьезное сексуальное насилие в отношении женщин, не отличаются от осужденных за несексуальные тяжкие преступления, а также ненасильственные преступления в консервативности отношения к женской роли в поведении, во враждебных уста-

новках к женщинам и склонности к физическому и психологическому насилию [15–18]. Многие феминистские авторы вообще утверждали, что нет существенной разницы между «сексуальными насильниками» и «нормальными» мужчинами.

С другой стороны, данные о различиях в выраженности сексуальных насильственных аттитюдов обследованных когорт преступников кажутся парадоксальными, противоречащими выдвинутой гипотезе. Возможным объяснением этого факта является то, что осужденные за преступления сексуального характера действительно «стали на путь исправления», осознали совершенный ими проступок и пересмотрели свои сексуальные убеждения в отношении женщин. Кроме того, это может быть результатом эффекта «социальной желательности». Хотя опрос проводился анонимно, страх сексуальных преступников перед столкновением с серьезными последствиями правдивости их ответов, например, по поводу смягчения приговора или досрочного освобождения, в результате полученной информации мог серьезно повлиять на их искренность. Поэтому сексуальные насильники могли быть мотивированы к тому, чтобы представить максимально позитивный образ себя и своих аттитюдов в отношении сексуального насилия.

Вполне допустимо также, что осужденные за сексуальные преступления имеют более высокую степень вины по отношению к их жертвам. Поэтому большая мягкость сексуальных насильственных аттитюдов в отношении женщин может быть следствием защиты от чувства вины.

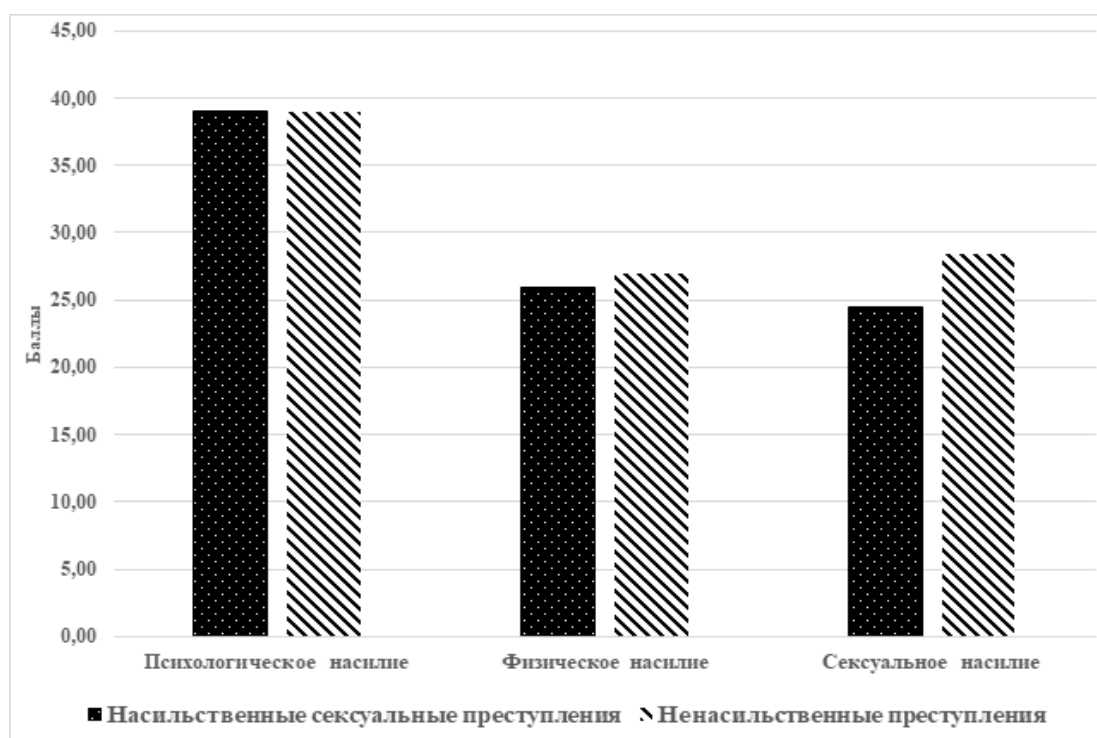

Рисунок – Сравнение насильственных аттитюдов осужденных за насильственные сексуальные и ненасильственные преступления в отношении женщин

Вместе с тем исследования показывают, что на снижение интенсивности тех или иных аттитудов может влиять использование психологических защит. Существуют данные, что для сексуальных преступников достаточно часто характерны такие механизмы психологических защит, как подавление и отрицание. Действительно, признать ответственность за действия, причиняющие вред женщине, трудно. Поэтому неудивительно, что многие сексуальные насильники отрицают ответственность за совершенные ими преступления [11]. Сексуальные преступники часто отрицают все аспекты выдвинутых против них обвинений, зачастую несмотря на неопровержимые доказательства обратного. Даже когда такие преступники признают свое преступление, они обычно заявляют, что не применяли насилие так сильно и так жестоко. Они могут сводить к минимуму навязанность полового акта, свою ответственность за него, его принудительность. Кроме того, почти все сексуальные преступники пытаются переложить вину с самих себя, например, приписывая ответственность таким факторам, как употребление алкоголя, семейные проблемы или стресс. Помимо этих механизмов отрицания, минимизации и рационализации, сексуальные насильники часто демонстрируют корыстное искаженное восприятие поведения своей жертвы, которое помогает им оправдывать свое собственное поведение. Все эти когнитивные искажения вуалируют отказ от личной ответственности

за совершенное преступление. Признание ответственности часто рассматривается как признание своей слабости, уязвимости или личной вины. Безответственность и отсутствие социальной совести часто связаны с сексуальным насилием [4].

Вместе с тем более детальный анализ позволил выявить некоторые различия в содержательных характеристиках насильственных аттитудов в отношении женщин в обеих когортах преступников (таблица 1). Так, для осужденных за сексуальные преступления вполне допустимыми являются в основном насильственные действия физического и сексуального характера, а для осужденных за ненасильственные преступления – физического и психологического характера.

Результаты корреляционного анализа позволили выявить различия в структурах взаимосвязей компонентов агрессивности и насильственных аттитудов (таблица 2).

Так, в структуре агрессивности осужденных за насильственные сексуальные преступления ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты – враждебность и гнев, а у осужденных за ненасильственные преступления только эмоциональный – гнев.

Полученные данные согласуются с результатами других исследований (например, [19]). В частности, было установлено, что мужчины с высоким уровнем общей агрессивности отличаются более активным сексуально агрессивным

Таблица 1 – Превалирующие насильственные убеждения осужденных

№ п/п	Насильственные сексуальные преступления	Ненасильственные преступления
1	Некоторые женщины заслуживают, чтобы им задали трепку (ФН)	Мужчина может дать пощечину его женщине, если для этого есть приемлемая причина (ФН)
2	Мужчина может дать пощечину его женщине, если для этого есть приемлемая причина (ФН)	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не ударить женщину, которая разозлила их (ФН)
3	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не ударить женщину, которая разозлила их (ФН)	Иногда ревность делает мужчин настолько взбешенными, что они просто не могут удержаться, чтобы не поколотить свою женщину (ФН)
4	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не избить женщину (ФН)	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не избить женщину (ФН)
5	Для мужчины в порядке вещей принудить свою женщину поцеловать его (СН)	Это нормально, когда мужчина ругается матом на свою женщину (ПН)
6	Мужчина может склонять женщину к сексу сразу после знакомства (СН)	Мужчина может повышать голос и орать на свою женщину, если для этого есть приемлемая причина (ПН)
7	Если женщина ложится с мужчиной в постель, значит она согласна на секс (СН)	Для мужчины в порядке вещей принудить свою женщину поцеловать его (СН)
8	Часто мужчины должны быть грубыми со своими женщинами, чтобы завести их (СН)	Часто мужчины должны быть грубыми со своими женщинами, чтобы завести их (СН)
9	Женщина всегда должна делать все возможное лишь бы понравиться своему мужчине (ПН)	

поведением [20]. Также было определено, что такие черты личности, как гнев и враждебность, положительно коррелировали с поддерживающими изнасилование установками, насилием в отношении интимного партнера, а враждебность и вербальная агрессия – с поддерживающими изнасилование установками и принятием мифов об изнасиловании [21; 22].

В структуре взаимосвязей насильственных аттитудов существенных различий не наблюдается. Однако, учитывая силу и уровень значимости корреляций, обращает на себя внимание «связка» аттитудов к психологическому и сексуальному насилию ($r=0,704$) у осужденных за насильственные сексуальные преступления и аттитудов к психологическому и физическому насилию ($r=0,573$) у осужденных за ненасильственные преступления.

Существенным является то, что взаимосвязь между аттитудами к сексуальному насилию и аттитудами к психологическому и физическому насилию выражена сильнее у осужденных за насильственные сексуальные преступления, чем у осужденных за ненасильственные преступления. Полученные данные отчасти согласуются с целым рядом других исследований. В частности, существует некоторое эмпирическое подтверждение статистической связи между сексуальной и не-сексуальной агрессией, прогнозирующей общий риск совершения любого типа агрессии [9]. Также были получены доказательства совместного проявления сексуальной и психологической агрессии: психологическое насилие со стороны интимного партнера значимо коррелировало с одновременной или последующей физической (но не сексуальной) и/или сексуальной агрессией [10].

В исследованиях Л. Уилсона и коллег [23] был выявлен целый ряд интересных закономерностей: 1) индивиды, имеющие более высокие показатели общей склонности к совершению любого агрессивного акта, отличаются повышенным риском проявления сексуальной агрессии; 2) сексуальная агрессия была умеренно связана с не-сексуальной агрессией и не отличалась в выборках преступников, совершивших сексуальное насилие, и тех, кто совершил изнасилование; 3) сексуальная агрессия была более тесно связана с психологической агрессией, чем физическая агрессия.

В проведенных исследованиях более тесная корреляция между аттитудами к сексуальному насилию с аттитудами к психологическому насилию у осужденных за насильственные сексуальные преступления может свидетельствовать о более частом совместном проявлении сексуальной и психологической агрессии по сравнению с сексуальной и физической агрессией. Вероятно, психологическая агрессия играет важную роль в развитии и поддержании общей агрессивной динамики отношений с женщинами и, таким образом, создает условия, способствующие сексуальной агрессии. Совместное проявление психологической и сексуальной агрессии может также объясняться большей социальной приемлемостью психологической агрессии по сравнению с физической агрессией. Лица, совершающие психологическую агрессию, могут чувствовать большую уверенность в себе из-за социальных факторов, таких как сексизм и снижение риска причинения физических травм жертве и, следовательно, уголовного преследования за совершенные действия.

Таблица 2 – Взаимосвязь показателей агрессивности и насильственных аттитудов осужденных

Показатели		ФА	ВА	Г	ВР	ПН	ФН	СН
ФА	Корреляция		0,104	0,432	0,273	0,102	0,506	0,278
	Знч. (2-сторон)		0,438	0,001	0,037	0,432	0,000	0,031
ВА	Корреляция	0,334		0,513	0,466	0,143	0,236	0,267
	Знч. (2-сторон)	0,009		0,000	0,000	0,288	0,073	0,040
Г	Корреляция	0,718	0,483		0,306	0,108	0,398	0,454
	Знч. (2-сторон)	0,000	0,000		0,017	0,406	0,002	0,000
ВР	Корреляция	0,247	0,177	0,497		0,474	0,467	0,445
	Знч. (2-сторон)	0,059	0,177	0,000		0,000	0,000	0,000
ПН	Корреляция	0,017	-0,298	0,009	0,203		0,503	0,704
	Знч. (2-сторон)	0,902	0,022	0,459	0,122		0,000	0,000
ФН	Корреляция	0,379	0,046	0,448	0,291	0,573		0,598
	Знч. (2-сторон)	0,003	0,733	0,000	0,025	0,000		0,000
СН	Корреляция	0,361	0,144	0,357	0,334	0,424	0,537	
	Знч. (2-сторон)	0,005	0,284	0,005	0,009	0,001	0,000	

Таблица 3 – Предикторы насильственных аттитюдов в отношении женщин

Насильственные преступления сексуального характера					
Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	t	p-уровень
Психологическое насилие					
Враждебность	0,179	0,044	0,474	4,095	0,000
КМК = 0,474, КМД = 0,225, F = 16,744, p < 0,0001					
Физическое насилие					
Физическая агрессия	0,342	0,091	0,408	3,746	0,000
Враждебность	0,208	0,064	0,355	3,264	0,002
КМК = 0,611, КМД = 0,373, F = 16,890, p < 0,0001					
Сексуальное насилие					
Гнев	0,243	0,081	0,354	3,022	0,004
Враждебность	0,151	0,055	0,318	2,706	0,009
КМК = 0,542, КМД = 0,293, F = 11,803, p < 0,0001					
Ненасильственные преступления					
Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	t	p-уровень
Психологическое насилие					
Вербальная агрессия	-0,124	0,051	-0,0303	-2,417	0,019
КМК = 0,303, КМД = 0,092, F = 5,834, p = 0,019					
Физическое насилие					
Гнев	0,313	0,082	0,447	3,809	0,000
КМК = 0,448, КМД = 0,201, F = 14,495, p < 0,0001					
Сексуальное насилие					
Физическая агрессия	0,148	0,062	0,297	2,416	0,019
Враждебность	0,114	0,054	0,261	2,123	0,038
КМК = 0,441, КМД = 0,195, F = 6,838, p = 0,002					

Анализ регрессионных моделей позволил определить личностные агрессивные предикторы насильственных аттитюдов в различных когортах осужденных (таблица 3).

Следует обратить внимание, что враждебность является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитюды в отношении женщин у осужденных за насильственные сексуальные преступления независимо от типологии аттитюдов.

Некоторыми феминистскими авторами насильникам часто приписывался чрезмерный уровень враждебности к женщинам. Отдельные исследования подтвердили это убеждение, демонстрируя, что степень насилия, используемого в случаях изнасилования с тем, чтобы принудить жертву к подчинению, часто намного более чрезмерна, чем было необходимо.

Кроме того, враждебность является общим прогностическим показателем аттитюдов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные сексуальные преступления, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Высокая прогностичность гнева и враждебности в предсказании сексуальных преступлений отчасти подтверждается результатами схожих исследований. Например, существует мнение, что сексуальное насилие, изнасилование часто являются выражением мужского гнева и враждебности против женщин или способа доминирования и управления женщинами [24; 25].

Заключение. Исходя из результатов проведенного эмпирического исследования, можно констатировать, что осужденные за насильственные сексуальные преступления и ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин. Было выявлено, что осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные сексуальные преступления.

В структуре взаимосвязи черт агрессивности у осужденных за насильственные сексуальные преступления ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты – враждебность

и гнев, а у осужденных за ненасильственные преступления – только эмоциональный – гнев.

В структуре взаимосвязей насильственных аттитудов существенных различий не наблюдается: все аттитуды связаны друг с другом. Однако у осужденных за насильственные сексуальные преступления наиболее тесно коррелируют аттитуды к психологическому и сексуальному насилию, а у осужденных за ненасильственные преступления – аттитуды к психологическому и физическому насилию.

Взаимосвязь между аттитудами к сексуальному насилию и аттитудами к психологическому и физическому насилию выражена сильнее у осужденных за сексуальные насильственные преступления, чем у осужденных за ненасильственные преступления.

Враждебность осужденных за насильственные сексуальные преступления является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитуды в отношении женщин независимо от их типологической принадлежности. Враждебность является общим прогностическим показателем аттитудов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Результаты исследования могут быть использованы в консультативной и коррекционной работе с осужденными за насильственные преступления сексуального характера.

Литература

1. Фурманов, И.А. Любовные аттитуды в романтических и супружеских отношениях / И.А. Фурманов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2019. – № 3. – С. 74–81.
2. Дворянчиков, Н.В. Особенности эмоционального восприятия у лиц с девиантным сексуальным поведением / Н.В. Дворянчиков, С.Н. Ениколопов, А.А. Ильенко // Сексология и сексопатология. – 2003. – № 4. – С. 17.
3. Логунова, О.А. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] / О.А. Логунова, Н.В. Дворянчиков // Психология и право. – 2019(9). – № 1. – С. 54–70.
4. Ward, T. The Assessment of Rapists / T. Ward, S.M. Hudson, J. McCormack // Behaviour Change. – 1997. – Vol. 14, № 1. – P. 39–54.
5. Фурманов, И.А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция: учеб. пособие / И.А. Фурманов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 43–54.
6. Moyano, N. Predictors of sexual aggression in adolescents: Gender dominance vs.rape supportive attitudes / N. Moyano, E.S. Monge, J.C. Sierra // The European journal of psychology applied to legal context. – 2017. – Vol. 9, № 1. – P. 25–32.
7. DeGue, S. Are all perpetrators alike? Comparing risk factors for sexual coercion and aggression / S. DeGue, D. DeLillo, M. Scalora // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. – 2010. – Vol. 22. – P. 402–426.
8. Absolute recidivism rates predicted by static-99r and static-2002R sex offender risk assessment tools vary across samples: A meta-analysis / L. Helmus [et al.] // Criminal Justice and Behavior. – 2012. – Vol. 39. – P. 1148–1171.
9. Lalumiere, M. The causes of rape: Understanding individual differences in male propensity for sexual aggression / M. Lalumiere, G. Harris, V. Quinsey, M. Rice. – Washington, DC: American Psychological Association, 2005. – 294 p.
10. Gidycz, C.A. Predictors of perpetration of verbal, physical, and sexual violence: A prospective analysis of college men / C.A. Gidycz, J.B. Warkentin, L.M. Orchowski // Psychology of Men and Masculinity. – 2007. – Vol. 8. – P. 79–94.
11. Maletzky, B. Denial of treatment or treatment of denial? [Electronic resource] / B. Maletzky // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. – 1996. – Vol. 8. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/107906329600800101>. – Data of access: 18.11.2013.
12. Parrott, D.J. Effects of Hypermasculinity on Physical Aggression Against Women / D.J. Parrott, A. Zeichner // Psychology of Men and Masculinity. – 2003. – Vol. 4, № 1. – P. 70–78.
13. Characteristics of Aggressors Against Women: Testing a Model Using a National Sample of College Students / N.M. Malamuth [et al.] // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1991. – Vol. 59, № 5. – P. 670–681.
14. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб.: Речь, 2007. – 480 с.
15. Cunha, O. Intimate partner violence offenders: Generating a data-based typology of batterers and implications for treatment / O. Cunha, R.A. Gonçalves // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. – 2013. – Vol. 5. – P. 131–139.
16. Epps, K.J. Attitudes Toward Women and Rape Among Male Adolescents Convicted of Sexual Versus Nonsexual Crimes / K.J. Epps, R. Haworth, T. Swaffer // The Journal of Psychology. – 1993. – Vol. 127, № 5. – P. 501–506.
17. Marolla, J. Attitudes toward women, violence, and rape: A comparison of convicted rapists and other felons / J. Marolla, D. Scully // Deviant Behavior. – 1986. – Vol. 7, № 4. – P. 337–355.
18. Dating violence compared to other types of violence: similar offenders but different victims / A.-K. Sjödin [et al.] // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. – 2017. – Vol. 9. – P. 83–91.
19. Фурманов, И.А. Агрессивность белорусских осужденных с различным составом совершенного преступления [Электронный ресурс] / И.А. Фурманов // Психология и право. – 2011. – Т. 1, № 2. – Режим доступа: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40882.shtml>. – Дата доступа: 12.06.2020.
20. Bhogal, M.S. The Influence of Aggressiveness on Rape-Myth Acceptance among University Students, Psychiatry / M.S. Bhogal, S. Corbett // Psychology and Law. – 2016. – Vol. 23, № 5. – P. 709–715.
21. Birkley, E.L. Anger, hostility, internalizing negative emotions, and intimate partner violence perpetration: A meta-analytic review / E.L. Birkley, C.I. Eckhardt // Clinical Psychology Review. – 2015. – Vol. 37. – P. 40–56.
22. Factors associated with rape-supportive attitudes: sociodemographic variables, aggressive personality, and sexist attitudes / J.C. Sierra [et al.] // The Spanish Journal of Psychology. – 2010. – Vol. 13, № 1. – P. 202–209.
23. How is sexual aggression related to nonsexual aggression? A meta-analytic review / L. Wilson [et al.] // Aggression and Violent Behavior. – 2015. – Vol. 24. – P. 199–213.
24. Alder, C. The Convicted Rapist: A Sexual or a Violent Offender? / C. Alder // Criminal Justice and Behavior. – 1984. – Vol. 11, № 2. – P. 157–177.
25. A Review of the Literature on Sexual Assault Perpetrator Characteristics and Behaviors / S.M. Greathouse [et al.]. – 2015. – 96 p.

Поступила в редакцию 04.10.2021